

Не все равно

Contents

Не все равно

1

Не все равно

Безымянное

**"Человечество создало бессмертные произведения искусства,
но оказалось неспособным дать
каждому из своих собратьев вдоволь хлеба...
"(Э .М. Ремарк "Возлюби ближнего своего")**

В воскресный вечер под стеной кафе,
(внутри видны пресыщенные рожи)-
Так ни на что доселе непохожи:
Мать кормит с ложки супом малышей.

Я видел их. На корточках. Едят.
Из чьих они миров? Из бреда Гойи
Явились городишке эти трое?
Тарелка на бетоне. Вкруг сидят.

А мимо суетливо мчат машины.
С собачками гуляет молодежь.
И слышится назойливый скулеж-
Мать тащит сына от витрины...

Одета модно. Новый телефон.
И сын такой же - выхоленный, резвый...
Все гладко в них. Но что-то бьет по нервам.
Наверно, трое под оградой гасят фон.

Ведь у кормящей - скорбные глаза.
И взгляд ее - пустой, потусторонний.

Мне кажется, что, если кто-то тронет
Она с детьми растает без следа...

А из кафе: Бум-бум и трам-там-там...-
Поет совсем безгласая "звездишка".
И эти звуки оттеняют слишком
Все диссонансы мира - тут и там.

Все горе в том, что за картинкой яркой,
Как под обоями-не видно прах и тлен...
Мы болтунами снова взяты в плен,
Не замечая гибельной помарки...

А мать, скормив детишкам весь обед,
Взяла их за руки - довольных и чуть сонных,
Прочь повела по улицам знакомым...
И дождь апрельский смысл несчастья след.

Мир наш...

Мир наш - коммунальная квартира...
Это факт. И факт неоспоримый.
Коридор, увенчанный сортиром,
С общей кухни - смрад невыносимый.
Там конфорки, плиты разных вкусов,
Лампочки чуть тлеют вполнекала;
Две микроволновки для индусов -
Их ведь много, чтоб на всех хватало.
На полу - кострище, африканцы
Жарят дичь, какую где изловят;
Шейхи с янки - те еще засранцы,
На чужом огне всегда готовят.
Тесно, неуютно в коридоре:
Все вокруг завалено вещами -
Звездно-полосатый из-за моря
Эту часть квартиры приобщает...
Двери в ряд, до самого балкона...
Два приезжих родича вздыхают -

Запах итальянских макарон
Аппетит ливийский разжигают.
В тупичке, где крысы расплодились,
Младшие славяне обитают;
От родства с Россией открестились,
Только лучше жить еще не стали!
В комнате еврейского семейства
Тишина – с утра все на работе,
За стеною – звуки лицедейства:
Палестинцы снова колобродят!
Бургеры блюдут свои уклады, -
Зависть и пример всему району:
Сыты колбасою, пиву рады,
Только по ночам футбол и порно.
В общей кухне – визг и мат этажно:
Миссис Альбион все в прах разносит, -
Некто из соседей кровожадный
Дохлого мыша ей в суп подбросил!
Вот французы – те, как в день зарплаты:
Веселы, бодры, поют, флиртуют...
Как счета получают за квартплату,
Туалетную бумагу жгут втихую...
А в прихожке тесно, нафталинно,
Приглушенно шепчутся, вздыхают...
Видимо, прибалты с Украиной
Мелочь из карманов вычищают...
У России – окна нараспашку:
Лепс орет, глуша ПАСЕ и НАТО,
Тимати с Собчак варганят бражку,
Галкин учит Бузову таланту...
Из сортира: польска не сгинела! –

Чтобы чистоту спасти для панов,
Польша там отсиживает смело,
Не пускает прочих хулиганов.
Санэпидемстанция прихватит –
Азиаты уберут, ругая скотство...
Веник иль совок с собой прихватят, -
И, глядишь, наладят производство!
Из подвала – запах страусинный, -
Пропитал собой все поры дома!
Если австралийцы со скотиной
Не уйдут – напишем управдому!

Севастополю

Непогода. Волны с перехлестом.
Солнце скрылось в грозовые тучи.
Но царит над бухтами Севастос, -
Всем ветрам открытый и могучий.
Присмотрись: увидишь, как по склонам
Гонит волны маков и бурьянов,
И мерещится: что то – людские волны,
Расцвеченные плюмажами зуавов!
Море с грохотом и ревом бьет о скалы.
Слышу грохот и ушам своим не верю:
Озаряя мир кроваво алым
«тридцать пятая» стреляет батарея.
Будто целы ее башни, переходы,
Баталерка, склады, лазареты...
Но легли на грунт, ушли под воду
Яхты, шхуны, бриги и корветы...
Утомившись штурмами, дрейфуют
Вдалеке от берега эскадры,

А по ним сердито салютуют
Снятые с фрегатов коронады.
В звездных бескозырках и бушлатах
Моряки поднялись из траншеи, -
Их немного. В лютых контратаках
Тают силы. Кровь в пыли буреет...
Коронады бьют. Им башни вторят.
Воздух смешан с порохом. Расплавлен.
Маяки сигналият миру, морю:
Город наш не пал. Он лишь оставлен.
Две войны. Меж ними лишь столетье.
Воинская слава безупречна.
Сотрясают землю лихолетья.
Севастополь жив. И будет вечно...

Забывтый памятник

Хвост из монолитного бетона
Высится на сером постаменте, -
Памятник сошедшим с небосклона!
А вокруг него играют дети...
Ясный день - у нас он не в новинку:
Триста дней в году нам солнце светит;
Воздух чист и звонок, словно льдинка,
След инверсионный его метит...
Вроде все неплохо начиналось:
Рядовой полет, ежеобычный,
Пыль вздымая, птицею промчалась
«двойка» над районом приграничным...
Мчит и мчит крылатая машина
В поднебесье наравне с орлами.
Вновь диспетчер слышит командира:

-Двадцать пять минут... Полет нормальный!
Под крылом – холмы, поля, арыки,
Ленточка канала рвет равнину, -
На волнах играют солнца блики...
Поезд подползает к Безмеину...
Шорох, треск, царапанье в эфире –
«вражьи голоса» вчистую глушим...
Слышен четкий голос командира:
-На борту пожар! Сейчас потушим...
Самолет споткнулся, как о кочку;
Накренился, вниз его уводит...
Петли, змейки, снова петли, бочки...
Пламя разгорается... разносит...
Ручка катапульты под руками...
Только дотянись, и – можно двигать...
И с земли – в наушники простое:
-Экипаж! Приказываю прыгать...
Напрягая силы, рвут штурвалы
Командир с пилотом – город рядом;
Отпусти – гриб взрыва, и завалы
Погребут людей под смрадным градом...
Дотянули. Город миновали.
Можно прыгать... «-Высота?», «-Теряем!»
Пальцы рук сцепились на штурвале...
Поздно. Не раскрыться. Ну, садимся...
Опоздали. Грозная машина
В землю ткнулась, баки разорвало,
И в кайме горячей керосина
В километр обломки разбросало...
Хвост из монолитного бетона
Выситя вблизи площадки детской...

Памятник сошедшим с небосклона;
Обелиск простым парням советским...

Не все равно

Разбили памятник подростки,
Вложили весь похмельный пыл
Акселераты – переростки,
Засняв на камеры «мобил»...
И вот глядим по интернету,
Как ставит «лайки» молодежь,
И хочется спросить планету:
-Земля, куда же ты идешь?
Одеты модно, по погоде –
Ботинки, куртки и штаны...
Но – капюшон на каждой морде.
У них нет лиц. И не нужны!
Один подонок в злобе дикой,
Сломав стекло, портрет сорвал
Парнишки с детской улыбкой,
Что штаб фашистов подорвал!
В какой-то рваной телогрейке,
Чтобы внимание отвлечь,
Он сотни спас от рабства в рейхе,
Не дав попасть во рвы иль печь...
Пошел один. По сердца зову...
(Вряд ли прославиться хотел),
И подорвал себя и школу,
Где доучиться не успел.
А над разбитым обелиском,
Где меж камней текла печаль,
Ублюдки, вскинув по-фашистски

Вверх руки, каркнули: «Хайль! Хайль!»
Им всех дороже – «лайки», «смайлик»...
Забрать «мобилу» - дать кайло,
Чтобы такой прыщавый «хайлик»
Не вырос в грязное «хайло»!
И пусть уже в лесоповале,
Где пни, сугробы, комары,
Скандируют: «героям слава!»,
Вздымая кверху топоры...
Или на площади публично
Пороть, спасая от беды,
Чтоб все могли им всыпать лично,
Поставив «лайки» на зады!
Все это выложить в эфире,
Чтоб каждый знал, что есть порог!
Они его переступили,
За это получили розг!
Конечно, в книгах нам продвинут,
И подтвердят в любом кино,
Что сраму мертвые не имут...
А мертвым... Мертвым – все равно!
Их нет уже. Но мы-то живы!
Пусть мрази затвердят одно:
Пусть сраму мертвые не имут...
Не им, а нам **не все равно!**

**Всем погибшим и выжившим в ночь с 5 на 6 октября 1948
года**

Город спал. Едва светила
Бледнолицая луна;
Словно колдовская сила

Мир объяла тишина.
Ночь глухая. Птиц не слышно,
дуновений ветерка,
арий кошек - ведь на крыше
еженочно шум и гам...
Огонька два-три дежурных, -
Здесь больница, там - завод...
Свет в ЦК, и многолюдно -
Заседание идет.
Мир затих, как после драки,
Тянет ароматом роз...
Где-то тьякают собаки,
И гугукнул паровоз.
Проурчит впотьмах «Победа»,
Прогрохочет грузовик,
Сторож ежится под пледом -
Клонит в сон... А город спит.
Спят казармы, спят заводы,
Школы, парки, детсады,
Будка с вывеской «Фруктводы»,
Спят депо и продсклады...
Спят музеи и больницы,
Спят театры и кино,
Дремлют зданий вереницы...
Утро всем ли суждено?
Коротко с тоской провыли
Псы утробно раз и два,
Чуя смерть, предупредили:
Приближается беда!
Ветер вдруг упругим стался,
Шквалом мусор вверх швырнул,

а из недр земных раздался
Низкий басовитый гул.
Пол подняло... опустило...
Вправо – влево... вверх и вниз...
В пыльном воздухе носило
Чистенький бумажный лист...
Глинобитные строенья,
Все – из старого сырца,
С тихим вздохом сожаленья
Пали, раня деревца.
трансформаторные будки
затряслись в избытке сил...
и затихли. В каше жуткой
кто-то город отключил.
В промежутке средь ударов,
кто - диспетчер иль монтер, -
спас руины от пожаров,
превративших б их в костер...
Бунт стихий – итог печален:
Ни домов, ни площадей,
Слышно только из развалин
Стоны, крики, плач детей...
Из разрушенной "стеколки" -
лава огненной рекой...
после будут разнотолки:
что со сменой ночной?
Все ли там? - рядили судьи.-
завалило ли? сожгло?
Ведь советские же люди, -
долг для них главней всего!
Вот мелькнул один фонарик...

Голоса: - Есть кто живой?
Видно стало, как пожарник
С передавленной рукой
Тянет тело на дорогу...
Опустил. К груди приник...
Сердце слушал долго-долго...
И в бессилии поник...
Заревели паровозы,
Ревом тишину прошив,
Сообщая людям... звездам:
Город жил! И будет жив!
Расхватав ломы, лопаты,
Только жуткий страх осел,
Вышли первыми солдаты -
Все, из тех, кто уцелел...
Разбивали перекрытья...
-Тише... Тише! Не кричи!
-Кто-то стонет! - Это листья!...
Разбирают кирпичи...
Все вручную, все в потемках...
-Надо угол приподнять! -
Извлекли на свет ребенка, -
Жив - закрыла телом мать.
Через час с аэродрома
Подадут сигналы «SOS»...
Их сквозь утреннюю дрему
Еле разберет Свердловск...
- Тут старик в шкафу! - Не дышит?
Вроде жив! - Скорей фонарь!
Шкаф дубовый спас от крыши...
-Ломом бей! Еще ударь!

И выносят уцелевших, -
Не до мертвых, не собрать...
Ведь погибших и сгоревших
Много больше, раз так в пять.
Пыль над городом клубится...
Сколько лет ее копил
Город, ставший вдруг убийцей,
Ставший городом могил...
Грохот рядом... -Завалило!!!
Пыль столбом! Какой-то ад!
Под стеной похоронило
Трех соседей, двух солдат...
Ночь еще черна как вакса...
Пыльно, душно... спасу нет!
Площадь в центре - Карла Маркса, -
Вся - походный лазарет.
На матрасах и на сене,
Без воды и простыней,
Медики - и сами тени, -
Оперируют теней...
Застреляли - часто, гулко...
У Сбербанка? - Не поймешь!
Банда урок в закоулках
начала ночной грабеж.
По-шакальи убивали
Обезумевших людей,
Из развалин выгребали
От посуды до гвоздей...
После виртуозов финки, -
Кто пограбить не дурак, -
Расстреляют всех на рынке,

Словно бешеных собак!
Нету, нету телефона,
Помощь вызвать до поры!
Но уже идут колонны
С Небитдага и Мары!
Завтра сядут самолеты,
Поезда придут, пыхтя,
Город окружат заботой,
Словно мать свое дитя...
Это завтра. А сегодня
Чаша выпита до дна...
В пыльном, темном небе тонет
Бледнолицая луна...
Город жив. И не сломила
Мощь растущих юных гор...
Сколько душ та ночь сгубила –
Неизвестно до сих пор!
Посреди жилых массивов –
Освященная земля:
Безымянные могилы
Жертв шестого октября!

Камни больше не стреляют

Защитникам Бреста
(сокращенная версия)

**«Кто не знает свою историю-
будет изучать чужую! »**

Здесь священен каждый камень,

каждый выдох, каждый вдох,
каждый ход среди развалин,
каждый отпечаток ног...

По утрам плывут туманы,
в чаще ухаает сова;
и от трав — пахуче пьяных
так светлеет голова.

Здесь все звуки замирают!
Слышишь, как бежит волна,
когда щука заиграет...
Два-три всплеска — тишина!

Между рек — зеленый остров.
Среди ив, берез, раки
высится громоздкий остов -
крепость Брестская стоит!

Вот от этих бастионов, -
Ветры стонут, сквозь летя, -
Встали двести миллионов,
Там бессмертье обретя...

Воздух здесь сырой и ломкий,
зелень — девственно нежна,
туго давит перепонки:
то — безвременья стена.

Нулевое измеренье

за незримую чертой,
где иное исчисленье -
до сих пор грохочет бой.

Днем и ночью канонада...
Огрызается костел,
задыхается от смрада
остров весь... Большой котел!

Дым, огонь, руины, взрывы...
много... много дней подряд! -
обо всем расскажут глыбы:
камни тоже говорят.

О ночных контратаках
со штыком - на пулемет,
как душили австрияков, (1)
злобно пыхал огнемет...

Не уйти, не увернуться... -
жар и вспышка — ярче дня,
если в каземат ворвутся
струи жидкого огня...

Дни и ночи, час за часом...
Воздух липок, словно клей...
И несло горелым мясом
из подвалов и щелей!

Как с ума сходили дети -
без еды и без воды,

как сражался «тридцать третий»(2)
через узкие ходы...

Камни больше не стреляют,
не по нраву им война!
Как никто, они-то знают,
что такое тишина...!

Помнят, как земля кряхтела,
самолетов карусель...
что они — частицы тела
Под названьем «Цитадель»....
Музыкант, шофер, аптекарь,
кладовщик и санитар,
конюх, слесарь, повар, пекарь -
первый приняли удар.

Гибли в перестрелках быстро,
Немцев много - прут и прут...
Монотонный зов радиста:
-Всем, я - крепость... Бой веду!

Ведь не знали, не гадали,
откровенно говоря,
когда роты отправляли
в полевые лагеря.

Потому у миномета
повар с конюхом — вдвоем...
перелеты... недолеты...
знай — стреляй! Не пропадем!

И весь день играя в прятки,
маскируясь, как могли,
два бойца с «сорокапяткой»(З)
три громадины сожгли.

Нет прицела... пять снарядов...
-По каналу наводи!
-Под корму... под срез их, гадов...
-Бей того, что впереди...

Во дворах горит железо!
Броневик... грузовики...
ствол зенитки косо срезан...
плавятся маховики...

После будет Севастополь...
После будет Ленинград...
Как один большой некрополь
запыляет Сталинград,

Пытки, казни по ранжиру,
тьма поруганных святынь,
и известной всему миру
станет скорбная Хатынь!

А сейчас июнь и лето,
В Муховце кипит вода...
Пограничников секреты
замолчали навсегда!

С чужаков взымали плату,
из укрытий их разя,
но последнюю гранату
сберегали для себя...

Вечер тих, прозрачен, ясен...
Ярче шарики ракет...
Враг уходит восвояси -
ночью в крепость ходу нет!

Кто останется — погибнет,
часовые — пропадут,
помощь посланная — сгинет...
Ее тоже не найдут!

На рассвете все по новой:
огневая канитель -
рвут фугасы с тяжкой злобой,
нервно кашляет шрапнель...

День на пятый? Двадцать третий?
Грохот рушащихся стен...
Вышли женщины и дети -
приказали: сдаться в плен!

Шли вперед на автоматы,
щурились на свет дневной,
и следили казематы
за процессией немой.

Может быть, и уцелеют?

Может быть, и не убьют?
И фашисты все глазуют,
не стреляют... Тоже ждут.

Замолкали укрепления.
Связи нет. Разобщены.
Очаги сопротивления
все равно обречены...

Утомившись от стараний:
во дворах — десятки тел,
подрывают стены зданий,
чтоб никто не уцелел.

Но ползли неумолимо
к освещенным берегам,
лили в кожухи «максимов»
воду с кровью пополам.

Репродуктор где-то лает...
Подорвать бы, так разтак!
Гарнизону предлагает
плен почетный хитрый враг.

А в ответ летят гранаты
без запалов... Не беда!
И на стрекот автоматов -
наше грозное «ура»!

В небе — красная ракета,
кончен огневой налет...

цепь оборванных скелетов
вновь на вылазку пойдет...

В жаркой рукопашной схватке -
куча тел... орут... хрипят...
в ход идут одни лопатки -
ни патронов, ни гранат...

Через месяц обороны,
планы фрицев схоронив,
Вышли крохи гарнизона
на последний свой прорыв!

Над безмолвной Цитаделью
Закружилось воронье -
Поклевали - улетели...
Всем и каждому - свое!

Память часто не нетленна...
Только эту - сохраним:
Эти надписи на стенах:
«Все умрем, но не сдадим! »

Пусть хулителей немало:
-Мол, все зря, спастись могла!
Цитадель в те дни не пала -
Просто кровью истекла...

Камни больше не стреляют,

им по нраву тишина...
как никто, они-то знают,
что по ним прошла война!

Помнят, как земля кряхтела,
самолетов карусель...
что они — частицы тела
Под названьем «Цитадель». (4)

Примечания

1.... душили австрияков - В июне - июле 1941 года Брестскую крепость штурмовала 45 пехотная дивизия вермахта, укомплектованная австрийцами.

2. как сражался "тридцать третий"... - Подразделения 333-го стрелкового полка входили в состав гарнизона крепости. К началу войны в крепости оставались в основном хозяйственные команды, так как основные силы были выведены в полевые лагеря.

3.... "сорокапятка" - Противотанковая пушка калибром 45 мм.

4. Оборона Брестской крепости по официальным данным продолжалась до 23 июля 1941 года. По некоторым источникам, последний защитник крепости был захвачен фашистами в апреле 1942 года.

Я - не Шарли...

Я - не Шарли! И ряд мне ваш - не ряд,

Ведь между нами котлованы смерти...

В них утонули взрослые и дети...

Все эти свечи - души их... Горят!

Я - не Шарли! И строй ваш мне - не строй.

Быть может, я тогда меж вами встану,

Когда, как мы, вы ощутите раны,
Зияющие черной пустотой!

Я - не Шарли! Не сват вам и не брат.
Вы помяните всех детей Беслана,
Ирака, Сирии, детей Афганистана,
Детей Донбасса, что в могилах спят.

Я - не Шарли! Мне горе ваше - ложь!
Поверить как, что души ваши чисты,
Когда среди вас позируют фашисты?
Скорблю. Не верю. Что посеешь - то пожнешь!

Я - не Шарли! И нету к вам любви,
До той поры, покуда гибнут люди,
А вы, изображавшие нам судей,
Скорбите слишком громко: Я - Шарли!

На подтаявшем снегу...

На подтаявшем снегу алеют капли,
Это клюква подмороженная манит;
Над болотами разносит крики цапли,
Аромат весны пьянит, дурманит.
А под пластом мерзлоты сыреют кости
Впережку с лохмами бушлатов...
Вот, почудилось, что тишину погоста
Разрывают трели автоматов.

По нетронутой глуши бредет колонна
Телогреек рваных под конвоем,
И на каждый звук, на хрипы, стоны
Огрызаются овчарки лаем, воем...
По булыжной мостовой скребут подошвы...
Город древний – готика... костелы...
Пряча посиневшие ладоши,
В лагерь прибывают новоселы.
А из окон серую скотинку
Обыватель сонный наблюдает...
Мало у кого сползет слезинка,
Мало кто молитву прочитает.
Страшная картина всем знакома,
И приелась хуже горькой гречи...
И в четверг весь город будет дома,
Изолируясь от гари человечесьей...
Вереницей тянутся нестройной
Сквозь века ряды рабов безмолвных,
Чтобы болтунам жилось спокойно,
Психопаты чтоб вздували войны.
Не иссякнет тот поток могучий
Отданных идеям на расправу,
Крестников царей, министров, дуче,
Фюреров, генсеков, просто правых...
Если б мир был скроен в точных мерах
Справедливости, любви, законов, права,
Я б тела и души изуверов
Отдал бы их жертвам на расправу.
Я б транслировал их муки в интернете:
Пытки, вопли, казни вместо шоу вставил,
Чтобы сгинул культ насилья на планете,

И пропал бы интерес к «боям без правил»...
Вот тогда бы все оружие мира
Плавили бы в слитки повсеместно,
Возвели б из них на Крыше Мира
Памятник героям неизвестным...

* * *

Девочка на перекрестке:
Ямочки на щеках,
Платьице в розовых блестках,
Туфельки на каблучках!

Глазки небесной окраски
Тушью подведены...
Откуда? По чьей указке
Ты здесь продаешь цветы?

В ведерке – розы, ромашки...
Головкою круть да верть...
Не верьте! В ее кармашке
Опять затаилась смерть!

Малые сверточки с дозой
Расходятся за полдня!
И всех награждает розой
Юная жрица огня.

Девушки, юноши, старцы
Летят, как на пламя свечи,
И отдают ассигнации
За лучик во мраке ночи!

Она улыбается мило
И дарит в придачу цветы,
Не ведая, что на могилы
Возложат их и на кресты!

Девочка на перекрестке
Головкою круть да верть...
Платьице в розовых блестках...
Почем цветущая смерть?

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>